

37. КИРПИЧИК В СТЕНЕ

В 1991 году произошло геологическое по масштабам событие — рассыпалась гигантская КПСС. Рассыпалась неожиданно легко. Апологеты коммунизма убеждены, что случилась “чудовищная ошибка”. А на самом деле? Может быть, прояснит дневник коммуниста? Дневник будет правдивым документом своего времени, если позже, когда станешь более информированным и просвещенным, не будешь править былые эмоции. Нет ничего правдивее, чем правда чувств.

21 сентября 1988 года.

Посетитель корпункта “ЛГ”. Женщина 55 лет. Преподаватель по классу цимбал. Много лет одни благодарности. Но защитила на собрании сотрудницу, на которую нападало начальство. Директор отреагировал: “Пойдете на пенсию!” И выпроводил ... за плохую работу. Она еще успела повесить в своем классе занавеску, самую красивую в училище. Пришла на линейку к началу учебного года, а в класс ее не впустили. Побывала в райкоме, горкоме, ЦК, везде доводят: коллектив решил, что вы плохая работница. Плакала. Хохотала истерически: “Зачем я жила, чтобы так закончить?” Я предложил: “Напишем в управление культуры. Преподавателей музыки не хватает. Вас возьмут в другую школу.” Она: “Нет. Только в свое училище!” — “Будьте реалисткой! Директор не примет вас.” — “Тогда я повешусь.”

Среди моих посетителей в последние год-два появились крупные руководители. Проректор института, замначальника республиканского главка, главный конструктор завода... Начальники стали жалобщиками? Искренне восприняв идеи Перестройки, они начали преобразования в своих организациях — и столкнулись ... с ПАРТИЕЙ. Она как стояла стеной, так и стоит. Ничего не трожь, не меняй! Проректора-реформатора “съели”. Конструктора обвинили в некомпетентности.

8 октября 1988 года.

Прошел пленум ЦК КПБ, Е.Соколов выступил с докладом обо всем на свете, вплоть до проблем с мороженым. Партия сует нос везде, подменяет руководителей, специалистов. Из магазинов исчезли: носки, мебель, зубная паста, магнитофонные кассеты, телевизоры, стиральные машины, сахар, колбаса, писчая бумага, соль, посуда, ковры, простыни и наволочки, одежда, обувь, ну и мороженое...

16 октября 1988 года.

Вчера вечером четыре часа просидели с женой на дискуссии Минского политического клуба "Современник". Тема: создание в Белоруссии народного фронта. В прибалтийских республиках фронты уже есть. Название: народный фронт содействия перестройке. Вступают и члены КПСС. Это поддерживает Горбачев. Он определяет фронту роль помощника партии. Не получится игры! Или КПСС продолжит узурпацию власти, или фронт станет самостоятельной партией с новой идеологией.

На трибуну выскочил руководитель лекторской группы Минского обкома Божанов. В этакой демократически распахнутой рубахе. Он не видит необходимости в народном фронте. Его спросили: КПСС доказала, что не способна, не так ли? Он парировал: "Не так! Партия еще раз доказала, что она сильная, мужественная, затеяла перестройку. Вы знаете еще одну такую партию в мире?" Зал захохотал.

26 октября 1988 года.

Был в командировке на Полесье. Познакомился с секретарем райкома по идеологии М.Г. 42-летняя женщина, мать двоих дочек, бывшая учительница. Болеет за культуру, идейность, дух. Расплакалась на заседании бюро, что у нее ничего не получается, что никто в районе всерьез не воспринимает ее работу.

Районная знать устроила ужин. Я удивился, увидев на столе спиртное. Ведь запрещено генсеком! Опьянение действовало на Г., как партийный гипноз: чем больше алкоголя, тем крепче убеждения. Я пошутил. Партдама обиделась. Затем добавила, принялась читать мне лекцию о формах и методах идеологической работы в массах. Стоял насмерть, чтобы не перебрать. Умолял: мне в девять утра садиться за руль. Заставляли как никогда ранее, до объявленной партией трезвости. Судя по всему, антиалкогольная кампания Лигачева-Горбачева завершена. Продолжают лишь вырубать виноградники и ломать винзаводы.

31 октября 1988 года.

Вчера солдаты и милиционеры подавили народный праздник поминовения предков Дзяды. Народ по-прежнему в тисках. Не пустили на кладбище!

Советский публицист, получивший газ в глаза, побывавший под пятнадцатиминутным арестом в милицейском автобусе, внесенный в анналы КГБ, знающий наверняка, что никто не напечатает его правдивый рассказ о вчерашнем побоище, тем не менее записывает подробности в дневник, думает: зачем? И еще думает: а если придут с обыском?

2 ноября 1988 года.

“ЛГ” не напечатала мой репортаж о воскресном побоище в Минске у московского кладбища. Редакционный умник предложил пойти в горисполком и спросить, почему запретили митинг и Дзяды. У милиции спросить, почему применяли газ и дубинки. У прокурора спросить, почему все произошло. Я отверг “объективный” подход. Позиция жандармов предельно ясна из их действий. С баррикады репортаж передается лишь односторонний. Журналистика в воюющем обществе не может воспарить птицей и наблюдать с высоты. Я — на земле.

17 ноября 1988 года.

Опубликованы выводы комиссии ВС о событиях 30 октября. Мол, городские власти проявили формализм, не разъяснив заявителям митинга о нарушении закона. Милиция все делала правильно. Перестройка — не демонстрация, ее делает партия, а не самозванцы из народного фронта. Значит, это партия брызгала мне в глаза слезоточивый газ из баллончика. Чтобы я оставался слепой.

Звонил В.Быков, уточнял у меня как свидетеля, участвовали ли в разгоне митинга войска. Газета “Московские новости” на его интервью дала опровержение министра МВД БССР. Я два года отбыл в армии лейтенантом, носил китель и галифе, способен отличить форму военную от милицейской. Я видел, как СОЛДАТЫ хватали и затакивали в грузовики участников митинга 30 октября. Быков возглавил общественную комиссию по расследованию.

19 ноября 1988 года.

Меня пригласили выступить на профсоюзных курсах Белсовпрофа. Учились там работники агропрома. Рассказав, как разгоняли Дзяды, я почувствовал в зале (человек 100) ненависть. Мне дали жесточайший отлуп. Вы — не писатель, а подстрекатель, о таких надо сообщать в органы. Передайте своему Быкову, что мы найдем на него управу.

Страшно осознавать, насколько одурачены люди. Реакционная пресса с блеском сделала черное дело. Там работают мои друзья, знакомые. Боюсь заходить в Дом печати: надо ведь здороваться.

Президиум Союза писателей в полном составе вызвали в ЦК КПБ к Соколову, тот заявил: все в стране хорошо, нам ни к чему народный фронт. Н.Гилевич прозрел и сообщил, что выходит из группы по организации фронта.

Жена с грустью рассказала, как в раздевалке бассейна видна бедность: женщины в заштопанных колготках и трусах.

5 декабря 1988 года.

Свежие анекдоты.

Горбачев выступает в Эстонии. По-русски. Ему передают записочку: "Говорите по-эстонски". Он молча положил записку в карман и продолжает по-русски. Ему присылают новую записочку: "Если не заговоришь по-эстонски, то мы кое-что сделаем с твоей Раечкой". Горбачев прочитал и ответил: "Если вы сделаете что-нибудь с Раисой Максимовной, вся Сибирь заговорит по-эстонски".

Горбачев в Америке. Его спрашивают: "Чего изволите кушать?" — "Мозги какого-нибудь сенатора". Через пару минут ему приносят требуемое блюдо. Рейган в СССР. Его спрашивают: "Чего изволите кушать?" — "Мозги какого-нибудь члена политбюро". Ждет полчаса, ждет час — блюдо не приносят. Горбачеву неловко перед гостем. Выскакивает на кухню: "Где мозги американскому президенту?" Отвечают: "Михаил Сергеевич, уже зарезали десять членов политбюро, мозгов нет, одни языки".

Политический анекдот опережает время, концентрирует передовую мысль. О современных анекдотах, о проблемах перестройки я недавно поразмышлял перед телекамерой. Попросили коллеги из литературной редакции. Однако председатель гостелерадио Г.Буравкин проявил комбдительность, передачу зарезал.

14 января 1989 года.

Присутствовал на заседании редколлегии газеты "Вечерний Минск". Я полагал, что горком партии давит на руководство "ВМ", заставляет печатать мракобесные письма трудящихся в поддержку линии партии. Дело страшнее: редколлегия УБЕЖДЕНА в правильности своей позиции. Члены редколлегии по очереди благодарили секретаря горкома по идеологии П.Кравченко за то, что не вмешивается в дела газеты. Партия руководит ИЗНУТРИ, через членов.

16 февраля 1989 года.

Вчера был на окружном предвыборном собрании во дворце тонкосуконного комбината. Из восьми кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР выбирали "самых достойных". Среди претендентов: С.Алексиевич, З.Позняк, А.Майсеня, двое рабочих, директор завода... Победили, конечно же, директор и рабочий, ибо их выдвинули коллективы 19 предприятий, а перед тем предложил райком.

Меня на собрание долго не пропускали, хотя я тыкал удостоверением "ПРЕССА", напоминал о законе. Требовали "спецпропуск". Мерзавец в штатском, стоявший в оцеплении, злорадно возопил: "От вас несет

перегаром!" К счастью, я заметил в толпе секретаря горкома П.Кравченко, он меня величаво провел.

Надо бы зарубить на носу: если будешь пропускать грязь, которой переполнена общественная атмосфера, в свою душу, — душу загадишь. Наплой — и успокойся. Думаю, так зарождается конформизм.

19 февраля 1989 года.

На стадионе "Динамо" состоялся митинг. Собралось тысяч 40. Было холодно. Я выдержал два с половиной часа, околел. Ноги от холода не гнулись, рот не открывался. Впервые были официально разрешены бело-красно-белые флаги. 40 тысяч человек выпустили над морозным стадионом пар — и разошлись. Что дальше? Как сделать, чтобы этот пар что-нибудь подвинул?

21 февраля 1989 года.

В колхозе "Рассвет" у В.Старовойтова случайно встретился с В.Кебичем. Познакомился с ним в 1975 году, когда он был директором завода. Тогда Л.Брежнев бросил всех на борьбу за качество. Я, сотрудник журнала "Неман", инкогнито устроился контролером на станкостроительный завод. Кебич знал, но не препятствовал. Тогда он мне понравился. Теперь он председатель госплана БССР. В разговоре за рюмкой был откровенен. Не верит в самостоятельность республик, о которой говорит Горбачев. Разочарован в однопартийной системе, но вынужден за нее агитировать. Сомневается в профессионализме Е.Соколова, но помогает ему. Сильно сомневается в крупных животноводческих комплексах, внедряемых Соколовым, но организует их строительство. Кебич убежден, что надо срочно вывозить народ из чернобыльских районов, однако доказывает народу обратное, так как на массовое переселение в казне нет денег. Раздвоенность высокопоставленного чиновника поразила меня. Показалось, что он хотел, чтобы я пожалел его за "муки должности".

Как ни уважаю умницу В.Старовойтова, вынужден констатировать, что даже он оглулен партией. В.Быкова, А.Адамовича оценивает так, как Соколов, — с ненавистью. "Во время сессии депутат Быков гулял с собачкой," — возмущался Старовойтов.

Что держит меня в этой партии? Вопрос стоит ребром. Ничего не удерживает, кроме ответственности за семью. Выйди я сейчас из КПСС — пришлось бы уходить из "ЛГ", куда меня пригласили в 1977-ом, предварительно получив "добро" ЦК КПБ.

Партия — не кормушка. Так говорили мне в 1974-ом, вручая кандидатскую карточку. В тот же день А.Макаёнок, главный редактор

“Немана”, издал приказ о том, что из и.о. редактора отдела очерка и публицистика я становлюсь полноценным редактором. Он добился, чтобы райком выделил квоту для меня, “интеллигентской прослойки”. Нам партия все-таки не доверяет, отдает предпочтение рабочим и крестьянам. Если бы меня не приняли, Макаёнок вынужден был бы снять меня с отдела. Партия — ультимативное условие карьеры, даже творческой. Принимая меня на работу в “Литгазету”, главный редактор А.Чаковский спросил не о том, сколько и каких книг я написал, а о том, коммунист ли я. Партия — насильственная кормушка.

3 марта 1989 года.

1 марта состоялась встреча идеологического актива республики со вторым секретарем ЦК КПСС В.Медведевым. Коллективная оргия сталинистов, требующих поскорее скосить росточки демократии. Наблюдал, как нагло фильтровали записки. Посылал ради эксперимента. На первом ряду партера оборону держали молодчики, не позволяя человеку из зала подать записку Медведеву. Собрав порцию бумажек, они передавали их в президиум секретарю ЦК КПБ по идеологии В.Печенникову. Тот читал, некоторые откладывал в сторону (три, я видел, порвал на виду зала), передавал “президенту” Г.Таразевичу. Тот читал, откладывал, остаток передавал Е.Соколову. Тот читал, откладывал, пару штук передавал на трибуну Медведеву. Отфильтрованные записки были ни о чем. Медведев, отвечающий на них, был пустым местом. Какие примитивы нами руководят!

На партийном собрании писателей Г.Пашков и Л.Дайнеко били себя в грудь: они счастливы, что состоят в КПСС! Никакие фронты народу не нужны! Гадко видеть и слышать. В зале жидко аплодировали.

13 марта 1989 года.

Новые стихи передаются от человека к человеку:

**У нас эпоха гласности,
Она нам партией дана.
Но в комитете безопасности
Запишут наши имена.**

Мой приятель и земляк, журналист А.Юдчиц выступил в “Сельской газете” с умопомрачительной статьей. Много лет знаю его как думающего человека. Правда, не совсем искреннего, как бы полуподпольного. И вот — целиком вышел из подполья, раскрылся здравицей в честь советской демократии, которую-де хотят разрушить отщепенцы. Юдчицу я позвонил, сказал, что не смогу с ним общаться. Жаль, что нас разводит политика. Но как подать руку человеку, если при нем портретик Сталина с трубкой?

13 апреля 1989 года.

Вчера было партийное собрание писателей. Выпустили пар по поводу взлома комнаты 306 в Доме литератора 24 марта. В ней работает литконсультантом поэт А.Емельянов, член оргкомитета народного фронта. Фронт издал малоформатную газету, в ней перлы из предвыборных речей Е.Соколова. Тираж хранился в комнате 306.

Ночью в Дом литератора, перепугав вахтера, ввалился взвод пожарников в боевой экипировке, принялся искать бомбу. Будто бы в милицию поступил звонок. Шарили без миноискателя. Бомбу не нашли, а тираж газеты изъяли. Задание партии выполнили. Соколова спасли.

16 апреля 1989 года.

Коммунист рассказал коммунисту анекдот:

Рыбак поймал золотую рыбку. Она попросила: "Отпусти меня. Я выполню любое твоё желание." — "Ладно. Но сначала посоветуюсь с женой." Жена подумала и сказала: "Попроси у золотой рыбки, чтобы уничтожила в нашем доме тараканов."

Рыбак попросил. Рыбка дала ему малюсенького тараканчика: "Выпусти его дома — и увидишь, что будет."

Рыбак сделал так. Тараканчик поймал в доме всех тараканов, съел их, стал огромным, как бочка, — и лопнул. И не стало тараканов в доме!

Но тут жена рыбака спохватилась: "Я забыла о клопах. Попроси золотую рыбку, чтобы помогла избавиться от клопов в доме."

Рыбак пошел к озеру, позвал золотую рыбку, передал ей просьбу жены. Золотая рыбка дала ему малюсенького клопика и сказала: "Выпусти его в своем доме — и увидишь, что будет."

Клопик сожрал всех клопов, раздулся, лопнул. И чисто в доме! "Эх ты, простофиля! — сказала жена мужу. — Надо было попросить у золотой рыбки малюсенького коммуниста. Вот тогда бы в нашем доме была чистота."

Анекдот злой, но коммунисты не обиделись. Весело посмеялись и пошли на партсобрание. Коммунист более лицемерен, чем даже поп.

2 мая 1989 года.

Был в Москве на совещании собкоров "ЛГ". Повели нас в ЦК КПСС к куратору прессы В.Севруку (выходец из Белоруссии). Наставлял, как сочинять, чтобы "не посорить партию и народ". Наставления продолжил редакторат. Вытекало следующее: ловчите, ребята, старайтесь обхитрить цензуру, партию, пользуйтесь эзоповым языком, помещайте правду между строк. Стараюсь, но

надоело. Счастье, что в "Литгазете" не заставляют журналиста идти против своей совести. Можно отказаться от предложенной тебе темы, которую редактору, в свою очередь, навязали кураторы из ЦК КПСС.

Сходил на Красную площадь, поторчал у мавзолея. Внутри я ни разу не был, "живого" Ленина не видел: противно! При мне солдат на посту № 1 упал в обморок. Его тут же заменили. Когда наше общество протрезвеет от социализма настолько, что ликвидирует главный пост своей неестественной религиозности?

1 мая в Минске народный фронт проводил митинг отдельно от прочих граждан. Впервые — ОТДЕЛЬНО. Зачем они отделились? Вышли бы СО ВСЕМИ, но со своими лозунгами. Впервые я увидел, что уважаемый мною З.Позняк может лукавить. На митинге объявил, что среди собравшихся есть А.Адамович и что он сейчас выступит. А затем соврал, что Адамович выступить не смог по состоянию здоровья. Позняку нужно было придать отдельному митингу больший вес, вот и врал. Ведь Адамович находился в Москве, я знал.

24 мая 1989 года.

Мой бывший прятель, коллега А.Юдчиц пошел инструктором в аппарат ЦК КПБ. Понятно, почему в последнее время он стал писать опусы о торжестве нашей демократии. Доказывал, что настоящий коммунист. Ему 48 лет, для партийной карьеры стар. Ну, ничего. Получит в ЦК дефицитную пыжиковую шапку. Через пару лет вернется в "Сельскую газету" главным редактором или замом. На то и расчет. Взял ли он с собой в ЦК портретик Сталина с трубкой?

С презрением к себе вспоминаю, как 10 лет назад написал письмо секретарю ЦК КПБ А.Кузьмину, просил повлиять на вчерашнего инструктора ЦК, свежеепеченного редактора "Немана" А.Кудравца, переставшего печатать мои критические очерки. Я ВЕРИЛ, что партия, призывающая коммунистов к критике и самокритике, разберется в нашем конфликте. Неужто это был я? Неужели не понимал, что партия потому и посылает проверенных сынов ЦК руководить журналами и газетами, чтобы они сами, на месте, дозировали публичную критику?

25 мая 1989 года.

Посмотрел по ТВ заседание съезда народных депутатов СССР. Меня колотит от переживаний. Собралось тупое стадное большинство, 70 лет его гнали палкой, но оно не прозрело. М.Горбачев гонит с более утонченным цинизмом, нежели Сталин. Признав, что мы в социалистическом дерьме, Горбачев тычет нас лицом в то же дерьмо. Сталин физически уничтожал

мыслящих, опираясь на ложь. Горбачев уничтожает морально, опираясь на правду. Его поддерживает большинство. Оно уничтожило на съезде академика А.Сахарова.

12 июня 1989 года.

Три дня назад закончился съезд депутатов. Закончился позорно: у Горбачева кончилось терпение, он выставил прессу, прекратил прямую трансляцию по ТВ. Так будет отменена гласность. Депутат В.Григорьев (первый секретарь Витебского обкома) заявил в "Правде", что съезд полностью взял власть в свои руки. Начался новый виток вниз, в ад. По пути, указанном партией, к которой принадлежу я.

Съезд окончательно разрушил во мне надежду на перемены. То же говорят друзья, знакомые. Боль, злость, тоска.

Свежий анекдот. "Чем отличается олимпиада от съезда?" — "На олимпиаде народ надувал мишку, а на съезде мишка надувал народ."

20 декабря 1989 года.

Народный фронт и земляки из Березы предложили баллотироваться в народные депутаты БССР на выборах 4 марта будущего года. Отказался. Не хочу быть шутком. Убежден в комичности ВС при КПСС.

Народная молва донесла анекдот. "Почему запретили сеансы Кашпиоровского по телевизору?" — "Потому что у Горбачева начали отрастать сталинские усы и брежневские брови."

Горбачев — диктатор по крови. Демократ не орал бы истерически на А.Бразаускаса, на литовских коммунистов, "незаконно" вышедших из КПСС. Но ему не задержать распада империи, хотя и пообещал, что будет "всеми силами" бороться за СССР.

15 января 1990 года.

Горбачев и Лигачев получили посылку. Открыть нечем. Лигачев ушел искать инструмент. А в это время Горбачев изловчился и открыл посылку. В ней сталинский мундир. Решил примерить. Надел. Приходит Лигачев с инструментом. Радостно восклицает: "Здравствуйте, Иосиф Виссарионович! А где этот перестроечный козел?" Отличный анекдот!

А этот "козел" ездил в Литву, где показал ограниченность: "Мы, значит, в Москве будем принимать решения на пленуме ЦК КПСС о сохранении СССР, а Бразаускас будет в Вильнюсе почитывать газетки." Глупее не скажешь. Выход Литвы из СССР неизбежен, ибо Литву затолкали в Союз насильно. Сдержанные литовцы проявили уважение, не забросали генсека тухлыми яйцами. Пусть радуется хоть этому.

Позвонил однокурсник А.Павленков. Работает на радио. Обвинил меня в том, что защищаю в прессе "подонка" Позняка. Следовательно, "сам подонок". Сахаров, по его убеждению, — "ублюдок", Соколов — "блеск ума". После разговора горький осадок. Вроде здравомыслящий парень, отношения у нас нормальные. Политика разделяет современников дальше и дальше. Симптом гражданской войны. Раньше такого не было. Раньше партия держала нас вместе, как одноликих болванчиков.

22 января 1990 года.

Сталин — грандиознейший КОЗЕЛ ОТПУЩЕНИЯ. На него свалены деяния коммунистов. Сталин прикрыл собой самого злобного и коварного в истории преступника — Ленина. Сталинизмом строители "нового общества" спасают Ленинизм. Ловкая мыслишка: Ленинизм — правильный и хороший, но его испортил Сталин. А кто придумал злое слово 20 века КОНЦЛАГЕРЬ? Нет, не Гитлер, а Ленин. Придумал и применил концлагерь на практике.

В моем письменном столе лежит партийный билет с портретом преступника. На партсобрания хожу через два раза. Надеюсь, что исключат "за отрыв от организации." Писатель К.Тарасов заявил о выходе из КПСС на собрании, зачитал манифест. Он — первый, я буду вторым, но выйду тихо. Вывалюсь, как расшатавшийся кирпичик из стены. Давно шатаюсь. А вывалиться — никак. И кладка из-за меня по-прежнему — едина. И стена стоит. На 17 миллионов кирпичиков опирается Горбачев.

Очередной анекдот. "Чем сейчас отличаются оптимист, пессимист, реалист?" — "Оптимист учит белорусский язык, пессимист — английский, реалист — автомат."

13 февраля 1990 года.

КПСС опубликовала "платформу" к 28 съезду. Саморазоблачительный документ. Партия разрешает демократию с оговорочками. Свободный выход из КПСС даже не упоминается. Значит, выходцы рискуют.

19 февраля 1990 года.

Телепрограмма "Время". Литва. Ликующий народ на площади. Республика празднует день восстановления Независимости (16 февраля). На фоне праздника человечик с микрофоном, корреспондент Медведев, молодой, лощеный. Иронично говорит: подумайте, литовцы, как будете жить без нашей нефти, без нашего газа. Кремлевские хозяева послали в Вильнюс собачку погавкать.

ЦК КПБ начал проводить регулярные прессконференции. Новшество. Гласность. Меня тоже приглашают. Не был ни разу. Один раз посмотрел по

телевизору. Второй секретарь Игрунов доказывал, что партия — авангард перестройки. Журналисты записывали сие в блокноты. Жуть! Мне повезло, что я не в партийной газете.

26 февраля 1990 года.

Вчера ходил на площадь Ленина на митинг. 100000 человек, плотная толпа, не шевельнуться. Живое целое, желающее человеческой жизни и не имеющее возможности эту жизнь создать. Мешает партия, у которой свои представления о норме. Косноязычный Е.Соколов рискнул прийти на митинг и выступить. Сказал, что надо работать, а не митинговать. После появился на ТВ и соврал, что на площади было 12-15 тысяч.

Митинг принял резолюцию: предоставить народному фронту телеэфир на 15 минут. Толпа двинулась по проспекту Ленина к зданию телецентра у площади Победы. В прямом эфире выступил З.Позняк, на улицу вынесли монитор, включили громкоговоритель. Толпа ликовала. 15-минутная революция завершилась исходом митингующих по домам.

1 марта 1990 года.

У Минского обкома сняли знак, запрещающий движение "чужого" транспорта. Он висел десятилетия, оберегая покой партаппарата. Нынче — либерализация, можно ехать. Наш водитель Н.Журавлев с удовольствием проехал по ранее запрещенному маршруту, хотя нужды не было. Смешно. Однако смеяться надо не над водителем, а над теми, кто пытается дешевой штучкой продлить свое существование. Не получится. Еще пяток лет — и в здании обкома, как и в здании ЦК КПБ, будут оборудованы больницы или библиотеки.

14 марта 1990 года.

В Москве идет внеочередной съезд народных депутатов. Горбачев захотел называться президентом. Депутаты с готовностью дали ему новую должность: рули.

У меня давно крутится в мозгу образ нашего общества:

Для перевозки людей у нас часто используют грузовики, крытые или полуприкрытые брезентом. Чтобы поверили, что там везут людей, на грузовик прикрепляют табличку: ЛЮДИ. Не сыпучий груз, не железобетонные балки, не кирпичи в россыпь, не скот, а именно люди. Едет-воет грузовик по расхлябанной дороге, никак не довезет полулюдей-полускот к будущему. За рулем — Горбачев, генсек-президент.

2 апреля 1990 года.

Вчера опубликовано "Заявление Президиума Верховного Совета БССР": в случае выхода Литвы из СССР Белоруссия вынуждена настаивать на возвращении ей земель, переданных Литве указом Верховного Совета СССР от 6 ноября 1940 года. Безответственное заявление. В мерзопакостном деле Москва использует послушную Белоруссию.

Практически все мои приятели, от писателя до слесаря ЖЭС Володи, хотят в депутаты. Выдвинулись. Проводят агитацию. Все хотят служить народу у кормила власти. После женщины второе место по удовольствию занимает обладание властью. Советские мужчины — самые сладострастные.

5 апреля 1990 года.

Красный день в моем календаре! Сегодня втайне от жены я вручил секретарю партбюро СП БССР В.Супрунчуку заявление. Его текст: "С момента подачи этого заявления прошу считать меня добровольно выбывшим из КПСС. Свое решение мотивирую тем, что в условиях многопартийной системы литератор должен стремиться к творческой и политической независимости. Прошу мое заявление в парторганизации и в райкоме рассматривать без моего участия. А.Козлович."

Супрунчук сказал, что меня понимает, что секретарство ему осточертело, что не платят, что он ничего не будет делать до отчетно-выборного собрания. Он пообещал не звать меня на бюро.

Эпилог

Через один год и девять месяцев, в декабре 1991-го, КПСС мгновенно рассыпалась. Это многих удивило. Вроде стена была монолитная, крепкая. Нет, слишком много рядовых кирпичиков в ней шатались, шатались, шатались... Партаппаратчики наверху это ощущали, как чуткое зверье ощущает грядущее землетрясение. Они заранее готовились — воровали партийные деньги, "прихватизировали" партийное имущество. Сейчас они — бизнесмены. Многие — по совместительству депутаты, госчиновники. Обе свои "вертикали", властную и идеологическую, Лукашенко построил из бывшего в употреблении материала. Он дешевый, но крепкий. Послужит, пока не сгниет.

В партии я был тринадцать лет, после выхода прошло десять, а РАДОСТЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ еще во мне. Жить тяжелее, чем тогда. Но туда — не хочу, не смотря на то, что там моя молодость. Душа содрогнется от ужаса, когда нет-нет да и вспомню партийное собрание, его обязательность, ритуальность, бессмысленность, его ПОДАВЛЯЮЩЕЕ БОЛЬШИНСТВО, норвящее замуровать мое "Я".

2000